

А.А. ШАЛДАНОВА

ПРОБЛЕМЫ И НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ АЛТАЙСКОГО ВОКАЛИЗМА

Современный алтайский литературный язык является основным языком коренного населения Республики Алтай. По классификации Н.А. Баскакова алтайский язык входит в киргизо-кыпчакскую группу восточнотуркской ветви тюркских языков. Алтайский язык представлен шестью диалектами, которые делятся на две группы — южную и северную. К южной группе относятся алтайский (онгудайский), теленгитский,

телеутский диалекты, к северной — тубинский, кумандинский, чалканский [Баскаков, 1958, с. 5, 67; 1988 а, с. 3–20; 1988 б, с. 171–173].

Фонетика алтайского языка и его диалектов активно исследовалась инструментальным путем с конца шестидесятых годов. В частности, М.Ч. Чумакаева, изучив объективные экспериментально-фонетические материалы, выявила систему согласных алтайского литературного языка [Чумакаева, 1978; 1970; 1972]. В последние годы жизни М.Ч. Чумакаева к исследованию алтайского вокализма [Чумакаева, 1984 а; 1984 б; 1988 а; 1988 б; 1996]. К сожалению, эта работа не была завершена.

Кроме алтайского литературного языка, активно исследуются объективными экспериментальными методами различные аспекты звукового строя исчезающих северных диалектов — туба-кижи [Петькин, Чумакаева, 1989; Сарбашева, 2000], кумандинского [Селютина, 1983; 1998], чалканского [Мандрова, 1984; Кокорин, 1981, 1984], а также южных диалектов — теленгитского [Машталир, 1984; Герцог, 1986], бачатско — телеутского [Меркурьев, 1970; Фисакова, 1984, 1986; Гаврилин, 1984, 1988].

Что касается диалекта алтай-кижи и его говоров, то их фонетика совершенно не изучена — ни на слуховом, ни на инструментальном уровне, диалект алтай-кижи остается абсолютно недоступным для научной общественности, что входит в острое противоречие с потребностями практического использования и теоретического изучения алтайского литературного языка [Тыбыкова, 1984; 1993]. Язык стремительно развивается — как в соответствии со своими внутренними, имманентными закономерностями, так и под давлением экстралингвистических причин. Актуальной задачей, стоящей перед фонетистами, является задача фиксации и исследования артикуляционно-базовых характеристик алтайцев-онгудайцев. Важность изучения говоров Алтая подчеркивал еще В.В. Радлов, который отмечал, что на Алтае каждая деревня представляет самостоятельный говор, и обращал особое внимание на значимость алтайских говоров и диалектов для восстановления общетюркского идиома. Представляется чрезвычайно важным начать исследование фонетики опорного говора алтайского литературного языка, получить точные представления об артикуляторно-акустических особенностях онгудайского произношения для совершенствования орфоэпических и орфографических литературных норм.

Алтайский вокализм в трудах исследователей. Алтайский письменный язык 19-го века, который может быть только условно квалифи-

цирован как “литературный алтайский язык”, базировался на телеутском диалекте, одном из южных диалектов алтайского языка. Этот диалект имеет целый ряд существенных отличий от собственно алтайского диалекта, на котором говорит население центральных, наиболее населённых районов. В фонетическом отношении телеутский диалект отличается от диалекта алтай-кижи и алтайского литературного языка следующими особенностями: 1) слабое выражение губной гармонии гласных в отношении узких гласных: *телеут. курыт* ‘сыр’ — *алт. курут*; 2) переход **а > ы** в конечных слогах двусложных слов: *телеут. алгын* ‘взявший’ — *алт. алган*; 3) переход сочетаний **-ый, -ай, -айы** в долгий **-ни**: *телеут. андии* ‘такой’ — *алт. андый*; *телеут. аниип* ‘так’ — *алт. анайып* [Баскаков, 1958, с. 49–50].

Алтайский язык нашел отражение в трудах исследователей, начиная с 19-го века. Важные научные сведения и материалы по алтайскому языку содержатся в работах выдающегося исследователя тюркских языков В.В. Радлова и членов Алтайской духовной миссии [Вербицкий, 1884; 1893]. В предисловии к “Образцам народной литературы тюркских племен” В.В. Радлов описывает звуки татарского наречия, поднаречием которого он считает алтайский язык. В этом языке он отмечает 10 гласных и 30 согласных звуков, сопоставляя их с соответствующими звуками русского, немецкого, французского и английского языков [Радлов, 1866]. Сведения по алтайскому языку приводятся В.В. Радловым и в его монографии “Phonetik der nördlichen Türkssprachen” [Radloff, 1882], где он отмечает, что широкие лабиальные звуки **о** и **ö** встречаются во всех слогах и после **о** может следовать только **о**, а после **ö** — только **ö**. Долгие звуки **ā, ä, i** произносятся почти как **aa, ää, ii**, долгого звука **у** нет. Работы В.В. Радлова сохраняют своё научное значение до настоящего времени.

Выдающаяся в научном отношении “Грамматика алтайского языка”, написанная членами Алтайской духовной миссии, базируется на “телеутском” и “калмыцком” наречиях [Грамматика..., 1869, с. 1–19]. Изданная под редакцией проф. Н.И. Ильминского, она послужила в дальнейшем образцом при создании грамматик других тюркских языков. В ней дается описание звукового состава алтайского языка, отраженного в транскрипции русскими буквами. Авторы грамматики выявили в алтайском языке 8 гласных и 19 согласных звуков. Анализируя особенности вокализма в алтайском (и вообще в тюркских наречиях), составители “Грамматики...” отмечают, что особенностью гласных являет-

ся их “двойственность или парность, так что каждая из четырёх пар гласных представляет, фактически, один и тот же звук, только произносимый “толсто” или “тонко”: **а, о, у, ы** суть “толстые” гласные; **е, ö, ү, і** — соответствующие им “тонкие”. Алтайские гласные **а, е, о, ö** произносятся определённо и довольно протяжно; напротив, **у, ү, ы, і** произносятся “бегло”. Подобное деление гласных было принято последующими тюркологами и получило отражение во всех современных грамматиках тюркских языков. Разница только в терминах: вместо термина “толстые гласные” (**а, о, у, ы**) теперь принято употреблять определение “гласные заднего ряда”, а “тонкие гласные” (**е, ö, ү, і**) принято называть “гласными переднего ряда”. В современных классификациях гласных учитываются ещё два типа оппозиций: 1) широкие и узкие гласные (это противопоставление, на наш взгляд, уже отражено в рассматриваемой “Грамматике...” при характеристике звуков протяжного и беглого произношения); 2) губные / негубные гласные (по современной терминологии — огубленные и неогубленные). Нашло отражение в “Грамматике...” и такое специфическое фонетическое явление, как гармония гласных: “парность или двойственность гласных звуков, т. е. толстых и тонких, соответствует закону созвучия, состоящему в том, что в каждом слове гласные должны быть или все толстые или все тонкие”. Характеристика гласных и согласных дается в сопоставлении со звуками киргизского (по современному делению — казахского), казанско-татарского и русского языков.

На основе “Грамматики...” созданы практические школьные грамматики, учебные пособия и словари. Первыми по времени составителями таких работ были М.С. Канаев, Н.А. Каланаков, И.А. Каспинский, Т.М. Тошакова.

М.С. Канаев в “Грамматике ойротского (алтайского) языка” делит гласные звуки на твёрдые (**а, о, у, ы**) и мягкие (**е, ö, ү, і**). Описывая долгие гласные, М.С. Канаев отмечает, что “...гласные звуки в некоторых словах удваиваются, это — долгие гласные; ...особым знаком они не отмечаются, пишутся так, как выговариваются, т.е. удвоенно. ... В некоторых словах гласные звуки произносятся бегло и при выговоре как бы выпадают, это — беглые гласные”. Выделяет он и гармонию гласных, говоря, что гласные бывают однородны — все твёрдые или мягкие [1929, с. 8–10].

Н.А. Каланаков, И.А. Каспинский впервые констатируют в алтайском языке 9 кратких гласных звуков — **а, е, о, ö, и, у, ү, ы, і** [Kalanakov

la Kaspinskij, 1934, с. 5–11]. Кроме восьми звуков, выделяемых их предшественниками, авторы отмечают узкий гласный **i**, по-видимому, сходный с хакасским гласным, обозначаемым этой литерой. Наши исследования по онгудайскому говору подтверждают правомерность выделения **i** на фоническом уровне.

Заметный вклад в разработку вопросов алтайского языка и, в частности, его звукового строя внесла Т.М. Тошаклова. В “Грамматике ойротского языка” [Тошаклова, 1938, с. 5–60] она отмечает, что в ойротском языке гласные делятся на краткие и долгие, при этом краткие произносятся так же, как русские в неударных слогах, с той лишь разницей, что гласные первого слога выговариваются отчетливо, те же гласные в непервых слогах произносятся очень слабо. Долгие гласные в ойротском языке произносятся протяжно; очень важно отличать долгие гласные от кратких гласных потому, что на основе этого различия большая группа слов распознаётся по значению.

Большой вклад в изучение алтайского языка внесли Н.П. Дыренкова и Н.А. Баскаков. В фонетических разделах их работ по алтайскому языку даются краткое описание звукового строя и классификация звуков.

Н.П. Дыренкова в “Грамматике ойротского языка” выделяет в ойротском языке одиннадцать гласных фонем, причём только восемь из них употребляются в исконно алтайских словах: **а–е, о–ö, ы–и, у–ü** [1940, с. 13]. Автор делит гласные в качественном отношении на задние (“горганные”, “твёрдые”) **а, о, ы, у** и передние (“нёбные”, “мягкие”) **э ~ е, ö, и, ü**; широкие **а, о, э ~ е, ö** и узкие **ы, у, и, ü**; негубные (нелабиализованные) **а, ы, э ~ е, и** и губные (лабиализованные) **о, ö, у, ü**. Далее Н.П. Дыренкова даёт подробную характеристику гласных фонем: 1) знаком **а** передаётся широкий (открытый) нелабиализованный гласный заднего ряда, напр.: **ат** ‘конь’, **мал** ‘скот’. Неударный **а** по своей артикуляции близок к **ы**, напр.: **ара** // **ары**; 2) знаком **э ~ э** передаётся (по определению Н.П. Дыренковой [1940, с. 14]) нелабиализованный гласный переднего ряда (более открытый, чем русское **е**, и более или менее точно соответствующий русскому **э**). Эта фонема в начале слова передаётся через знак **э**, в середине и на конце слова — через **е**, напр.: **кел** ‘приходи’, **тер** ‘пот’, **эт** ‘мясо’; 3) знаком **о** передаётся среднеоткрытый (краткий — среднеоткрытый, долгий — более открытый) гласный заднего ряда лабиализованный, **от** ‘огонь’, **очок** ‘очаг’; 4) знаком **ö** передаётся среднеоткрытый (средний, полуузкий) лабиализованный

гласный переднего ряда, передний эквивалент заднего гласного **о**, напр.: **кбл** ‘озеро’, **бркб** ‘суслик’; 5) знаком **у** передаётся закрытый (узкий) лабиализованный гласный заднего ряда, напр.: **ус** ‘мастер’, **узун** ‘длинный’; 6) знаком **ӯ** передаётся закрытый (узкий) лабиализованный гласный переднего ряда, более передний эквивалент заднего гласного **у**, напр.: **ўўр** ‘стадо’, **сўт** ‘молоко’; 7) знаком **ы** передаётся закрытый (узкий) нелабиализованный гласный заднего ряда; от русского **ы** отличается несколько более передней артикуляцией, напр.: **ыш** ‘дым’, **чымалы** ‘муравей’. Звук **ы**, находясь рядом с **й** и **ј**, под их влиянием палатализуется и слышится как **и**, но пишется **ы**, напр.: **айыл** ~ **айил** ‘дом’. Точно так же палатализуется **ы** под влиянием предшествующих **ш** и **ч**, напр.: **апшый** ~ **апший** ‘старик’; 8) знаком **и** передаётся узкий нелабиализованный гласный переднего ряда, факультативно более задний, чем русский **и**, напр.: **ис** ‘след’, **мин** ‘садиться верхом’. Н.П. Дыренкова отмечает также некоторые особенности функционирования гласных звуков в потоке речи: широкие гласные в ойротском языке произносятся обычно отчётливо и довольно протяжно, узкие гласные произносятся менее отчётливо и более кратко. Особенно кратко и бегло артикулируются узкие гласные в безударных слогах (иногда они совершенно выпадают), напр.: **балазынан** ~ **балазанн** ‘от ребёнка’ [1940, с. 17]. Гласные **ы** и **и** могут чередоваться с **у** и с **ӯ**; особенно это относится к неударным слогам: **тогус** ~ **тогыс** ‘девять’, **суркура** ~ **суркыра** ‘сверкать’, **блтўр** ~ **блтир** ‘убивать’. Звуки **а** и **ы**, **е** и **и** являются гласными неполного образования в тех случаях, когда они находятся не под ударением и не в первом слоге, напр.: **капшагай** ‘быстро’. Передние гласные **э** (**е**), **и**, **б**, **ӯ**, по мнению Н.П. Дыренковой, не палатализируют предыдущих согласных, как это происходит в русском языке, напр.: **кел** ‘приходи’, **тил** ‘язык’, **тиш** ‘зуб’ [1940, с. 14–16]. Как показали наши аудио-визуальные наблюдения, в словах **тил** и **тиш** после переднеязычного согласного **т** произносится более задний вариант фонемы **и**, действительно почти не вызывающий смягчения препозитивного согласного; выше отмечалось, что этот звук был ранее констатирован в алтайском вокализме Н.А. Каланакowym и И.А. Каспинским.

Анализируя особенности сочетаемости гласных в словоформе, Н.П. Дыренкова выделяет два типа вокальной гармонии: закон нёбного притяжения, регламентирующий сочетаемость гласных по ряду, и закон губного притяжения, в соответствии с которым губной (лабиализован-

ный) гласный влияет на вокализм последующих слогов. Лабиальная гармония реализуется непоследовательно, факультативно [1940, с. 17–19].

Рассматривая проблему долгих гласных, Н.П. Дыренкова отмечает, что “долгота и удвоение гласного в ойротском языке имеет во многих случаях принципиальное значение, т. к. от долготы гласного зависит значимость слова”, напр.: **эр** ‘мужчина’ — **ээр** ‘седло’ [1940, с. 23]. Долгие гласные в алтайском — различного происхождения.

1. Долгота и удвоение гласного во многих словах являются результатом выпадения тех или иных звуков неударных слогов, особенно часто — заднеязычного **г** (**γ//g**). В этом случае происходит удлинение гласного стяжённого слога, напр.: **сүүн** ~ **сүгүн** ‘радоваться’, **ээр** (эзер ~ эйер) ‘седло’.

2. Долгота гласного наблюдается в стяжённых формах в результате выпадения согласного неударного аффикса: в именах существительных — **балага** ~ **балаа** ‘ребёнку’, в местоимениях — **маа** ~ **мее** (**мага** ~ **меге**) ‘мне’; в аффиксах принадлежности: **балладаа** (вм. **балладагы**) ‘находящийся у ребёнка’.

3. В стяжённых формах глагола долгота гласного наблюдается (факультативно) при присоединении к основе, оканчивающейся на гласный, аффиксов, начинающихся с гласного, напр.: **иште** + **ер** ~ **иштеер** ‘работать’ (будущее время глагола). Долгота гласного появляется, главным образом, при основах, оканчивающихся на широкие гласные **а, о, е, ё**, а также в деепричастной форме (соединительных) основ, оканчивающихся на губной глухой **п**: **таап** от **тап-** ‘находить’, **тееп** от **теп-** ‘пинать’.

4. Долгота гласных **у** и **ү** наблюдается: 1) в именах существительных типа: **туу** ‘гора’, **суу** ‘вода, река’, **буу** ‘верёвка’, в которых долгие **у** и **ү** соответствуют **ыг** ~ **иг** северных говоров; 2) факультативно долгие **у** и **ү** появляются в именах прилагательных типа: **улуу** ‘большой’, **тируу** ‘живой’ (в северных говорах: **улуг**, **тириг**); 3) факультативно долгое **у** и **ү** произносится в отглагольных именах действия, напр.: **божодуу** // **божодуу** ‘увольнение’; 4) факультативно долгота гласного наблюдается в аффиксах обладания **туу** ~ **дуу** ~ **луу** // **түү** ~ **дүү** ~ **лүү** (в северных говорах: **тыг** ~ **дыг** ~ **лыг** и их варианты), напр.: **мүстүү** // **мүстү** ‘рогатый’, **таттуу** // **таттуу** ‘сладкий’ [1940, с. 24–25].

Что касается кратких гласных, они могут редуцироваться, иногда почти совсем выпадают. Но на письме эти краткие или беглые гласные

всё же обозначаются, напр.: **азра** ~ **азыра** ‘кормить’, **удра** ~ **удура** ‘навстречу’, **плаа** ~ **пыла** ‘отнять’ [1940, с. 25].

Н.А. Баскаков в монографии “Алтайский язык” утверждает, что из тюркских языков только алтайский, киргизский, а также огузские языки сохранили древнюю систему вокализма, состоящую из восьми парных гласных: **а–е, о–б, ы–и, у–ү** [1958, с. 31].

Гласные звуки он делит по количественным показателям на краткие и долгие. В качественном отношении гласные классифицируются им на широкие и узкие, задние и передние, неогубленные и огубленные [1958, с. 228]. Н.А. Баскаков считает, что долгие гласные отличаются от кратких только количественной стороной, т. е. являются более длительными. Характеристика их артикуляции та же, что и у кратких гласных [1972, с. 17].

Алтайский язык и его фонетика были также объектами исследования таких зарубежных учёных, как В.Л. Котвич [Котвич, 1962], О. Притсак [Pritsak, 1964], Г.Ф. Рахмати [Rachmati, 1982].

Все рассмотренные описания звуковой системы алтайского языка базируются исключительно на слуховых наблюдениях. Известно, что слуховой метод, обусловивший в своё время ценные в научном отношении описания звуковых систем различных языков, в том числе алтайского языка, в силу своего субъективного характера не может в настоящее время при возросших требованиях к точности обеспечить адекватное отражение звуковых систем языков и их диалектов, хотя и остаётся необходимым для предварительного описания звуковых систем и для параллельной проверки результатов, добытых экспериментальными методами.

После того, как в конце 60-х годов в Институте истории, филологии и философии СО АН была открыта выдающимся исследователем языков народов Сибири В.М. Надеяевым Лаборатория экспериментально-фонетических исследований, началось планомерное изучение объективными инструментальными методами всех аспектов звукового строя алтайских диалектов, в том числе и вокализма.

М.Ч. Чумакаева выявила инвентарь гласных фонем, включающий 16 единиц [1976, с. 66]. По результатам рентгенографического анализа М.Ч. Чумакаева описала артикуляторные настройки реализаций гласных фонем алтайского литературного языка [1984 а, с. 162–167; 1988 а, с. 29–35]. Анализ экспериментального материала показал, что твердые гласные, орфографически изображаемые буквами **а, ы, о, у**, яв-

ляются центральнозаднерядными; по степени подъема языка твердоярдные гласные различаются открытостью и закрытостью: закрытые гласные локализуются в зоне второй ступени подъема, открытые — в зонах четвертой и пятой ступеней. Мягкорядные гласные *еe*, *ии*, *öб*, *üү* являются в основном переднерядными — основными, слабоотодвинутыми, сильноотодвинутыми. Исключение составляет огубленный гласный *öб*, который может артикулироваться как в переднерядном, так и в центральнорядном вариантах. По ширине раствора мягкорядные определяются как узкие (вторая ступень отстояния) и широкие (четвертая ступень). Звуки одинаковой ступени (как твердоярдные, так и мягкорядные) различаются на слух по признаку огубленность / неогубленность; огубленные гласные имеют слабое огубление; все эти гласные являются ротовыми.

Экспериментально-фонетическое исследование вокализма теленгитского диалекта алтайского языка показало, что на основе морфологического и квазиомонимического анализа словоформ с опорой на слуховое восприятие в языке теленгитов можно выделить лишь 14 гласных фонем: краткие — [a], [e], [o], [ø], [u], [y], [ɣ], [i], и долгие — [a:], [e:], [o:], [ø:], [u:], [y:]. Не удалось подобрать квазиомонимов, семантика которых различается только благодаря различению по долготе и краткости узких неогубленных фонем; долгих гласных фонем [i:], [ɣ:] в диалекте нет [Машталир, 1984, с. 74–78].

Аудио-визуальные исследования, а также морфологический, квазиомонимический и дистрибутивный анализ бачатско-телеутского вокализма позволили выделить восемь кратких гласных фонем [Фисакова, 1984, 1986]. В языке бачатских телеутов долгота гласных имеет фонематическое значение, долгие гласные противопоставляются кратким, различая смысл слов. В результате сравнения словоформ по линии долгота / краткость были выделены семь длительных фонем: [a:] — [a], [o:] — [o], [ö:] — [ö], [u:] — [u], [e:] — [e], [y:] — [y], [i:] — [i]; долгая фонема [ɣ:] не выявлена в языке бачатских телеутов. Долгие гласные отличаются от кратких только количественными характеристиками. По мнению Г.Г. Фисаковой, долгие гласные языка бачатских телеутов в идентичны таким же гласным в алтайском и его диалектах, киргизском, хакасском и его диалектах, шорском, тувинском, якутском и некоторых других тюркских языках.

Как свидетельствуют слуховые и инструментальные данные, полученные и обработанные Н.В. Гаврилиным, бачатско-телеутский вока-

лизм имеет 15 гласных фонем. Все “мягкорядные” фонемы имеют основные переднерядные настройки аллофонов; “твёрдорядные” фонемы имеют в общем центральнозаднерядные настройки аллофонов, различающихся по сдвинуто-сти; все фонемы неназализованные; важной особенностью артикуляторных настроек фонемы а [ʌ] является её очень узкая настройка — четвёртая — пятая ступень отстояния. Отмеченная слабая неогубленность этой гласной является важным фактом, который может быть использован для определения изменений фонологических систем гласных в языках Сибири и сопредельных регионов [Гаврилин, 1987, с. 12; 1988, с. 53–62].

В.Н. Кокорин в результате аудио-визуальных, а также соматических и электроакустических исследований гласных чалканского диалекта алтайского языка установил 15 гласных фонем, долгой фонемы [i:] не обнаружено [Кокорин, 1982, с. 14]. Соматические исследования показали, что все мягкорядные звуки являются переднерядными, в основном слабо- и умеренноотодвинутыми; твёрдорядные гласные фонемы — центральнозаднерядные с различной степенью выдвинутости. Так называемые закрытые (узкие) гласные — первой и второй ступени подъема; открытые (широкие) — третьей и четвертой ступени подъема [Кокорин, 1981, с. 146–151; 1984, с. 27–28].

Исследование количественных характеристик гласных туба-диалекта позволило установить, что в диалекте выделяется 16 гласных фонем, чётко объединяющихся в две группы — кратких и долгих фонем. Долгие гласные длительнее соответствующих кратких гласных в 1,5–2,5 раза [Петькин, Чумакаева, 1989, с. 26–45].

Комплексное исследование кумандинского вокализма показало, что система состоит из 14 фонем [Селютина, 1998]. При этом гласные характеризуются неодинаковой собственной количественностью: среди кратких фонем самой длительной является широкая мягкорядная огубленная фонема [ö], самой краткой — узкая твёрдорядная фонема [ɤ]. Проведенный анализ ингерентной длительности гласных в одинаковых позиционно-комбинаторных условиях позволил констатировать следующее: 1) широкие гласные регулярно длительнее своих узких коррелятов; 2) количественность оттенков мягкорядных фонем превалирует над темпоральностью соответствующих твёрдорядных гласных; 3) огубленные фонемы характеризуются большей фонической длительностью сравнительно с противопоставленными им неогубленными гласными. Кроме того, результаты исследования количественных данных указыва-

ют на существование определенных взаимозависимостей фонической длительности гласных и качества консонантного окружения. Наиболее стабильна корреляция гласных с качеством постпозитивных малошумных согласных.

Количественные характеристики кумандинских гласных, по данным И.Я. Селютиной, объединяются в две долготно-фонематические зоны — зону краткости и зону долготы. Такая стабильная инвариантная распределенность количественных характеристик по двум достаточно четко выдержанным зонам указывает на релевантность противопоставления по краткости / долготе и позволяет определить фонемы [а, ы, е, і, э, ѓ, о, ѓ] как краткие, а фонемы [а, е, э, ѓ, о, ѓ] как долгие. При этом кумандинская система противопоставления гласных по длительности еще не сформировалась окончательно. Широкие гласные четко противопоставлены по количеству, для узких же долготы исторически, по-видимому, развивается позднее. Незначительная дифференциация средних относительных длительностей оттенков кратких и долгих фонем в конечном открытом слоге бисиллабов с качественно однородной вокальной осью позволяет квалифицировать гласные в этой позиции как аллофоны долгих фонем и, следовательно, констатировать чередование кратких фонем с долгими. Обязательное чередование широкий краткий ~ широкий долгий гласный отмечается в открытых слогах кумандинских полисиллабов перед последующим слогом с узким гласным.

Итак, обзор алтаеведческих работ свидетельствует о большом внимании тюркологов к вопросам фонетики, обусловленном пониманием актуальности своевременной фиксации и изучения всех аспектов звукового строя алтайского литературного языка и алтайских диалектов.

Проблемы изучения тюркского вокализма. Изучение тюркской фонетики и, в частности, одной из её составляющих — вокализма имеет длительную историю, породившую целый ряд проблем, необходимость решения которых осознается исследователями. В круг дискуссионных вопросов включаются как проблемы трактовки гласных по качественным параметрам, так и по количественным характеристикам.

Первичная и вторичная долгота гласных. Долгие гласные в тюркских языках делятся на первичные и вторичные. Существование первичной или, иначе, этимологической, пратюркской, общетюркской долготы, генезис которой остается неясным, отвергается многими тюркологами. Вторичная долгота гласных трактуется как развившаяся вследствие выпадения согласных и последующего стяжения гласных.

В истории тюркологии существовало много различных гипотез и теорий о происхождении как дифтонгов, так и долгих гласных [Nemeth, 1914; Ligeti, 1938; Menges, 1938; Биишев, 1963; Щербак, 1967; Татаринцев, 1986]. Наиболее распространенной является теория, изложенная сначала В.В. Радловым [Radloff, 1882] и затем развитая П. Пельйо [Pelliot, 1925] и Л. Лигети [Ligeti, 1938]. Сущность этой теории заключается в том, что как вторичные, так и первичные долгие гласные в тюркских языках образовались из стечения комплексов типа ГСГ, т. е. двух гласных с интервокальным согласным [Баскаков, 1988 б].

Первичные долгие гласные в современных языках — туркменском, тувинском и проч., а также дифтонги типа **ya**, **ia**, **uo**, **üö** в якутском представляют собой не что иное, как следы сохранившихся ступеней фонологического развития тюркского вокализма, т. е. результаты стяжения комплексов согласных и гласных типа С[СГ], С[ГС-Г]С, [СГ]С — процессы, по существу, общие с образованием современных вторичных долгих гласных, с той только разницей, что образование первичных долгих гласных относилось к более древнему периоду, причем как в простых морфемах типа С[ГС > Г:] (*др.-тюрк.* sa: — < [s (aγ)] ‘считать’), [СГ]С (напр. *як.* а:х- [< (sa)γ-] ‘считать’), так и в сложных морфемах, представляющих собой более позднее соединение и фузию двух и более простых морфем, из которых первая сохраняла реальное лексическое значение, а последующие грамматикализировались в аффиксальные морфемы, например, типа С[ГС-Г:] ta:m [< t(aγ >) a:m] ‘стена’, qa:r [< q(aγ-a:) r] ‘снег’, *хак.* а:s ~ *кирг.* о:z ~ *алт.* ü:s (< *чув.* s'av-ar ~ *туркм.* aγ-yz) ‘рот’; *шор.* а:г ~ *кирг.* ~ о:r, *алт.* ~ u:r (< *чув.* juv-ar ~ *ног.* aw-yr) ‘тяжелый’ [Баскаков, 1988 б, с. 93].

Для более позднего состояния имело место превращение долгих гласных либо в краткие, что характерно для большинства тюркских языков, не имеющих «первичных долгих гласных», либо в комплексы С[ГСГ]С > СГСГ ~ (С)ГСГ, что типично для некоторых тюркских основ, напр.: *н.-уйг.* teri- < *туркм.* ti:r- ‘собирать урожай’; *алт.* aγ- < *туркм.* а:г-, *як.* у:г- ‘установить’; *тув.* ögü < *туркм.* ö:g ~ в др. яз. ö:g- ‘плести’; *кирг.* uju < *туркм.* u:j ‘следовать за кем-либо’.

Процессы образования долгих гласных в тюркских языках имеют свою периодизацию в отношении способов их образования от наиболее древнего периода, когда долгие гласные образовались от сочетания первичных узких редуцированных гласных **y**, **i**, **u**, **ü** в стяжении с соответствующими согласными, к среднему периоду образования из сочетаний

как узких редуцированных, так и соответствующих широких гласных **а, е, о, ö** (образование так называемых современных «первичных долгих гласных») и, наконец, к третьему периоду образования современных так называемых вторичных долгих [Баскаков, 1988 б, с. 94].

К формированию позднепраторьской системы долгот, включающей восемь вокальных единиц, по-видимому, привел ряд факторов: 1) утрата фарингальных и ларингальных; 2) изменение слоговой структуры корней, что сопровождалось перестройкой акцентной структуры (в том числе развитием сингармонизма), синтагматическими изменениями, перешедшими и в парадигматику согласных и гласных [Сравнительно-историческая грамматика..., 1984, с. 48]. В этой же грамматике тюркских языков под редакцией Э.Р. Тенишева показаны пути развития праторьских долгих гласных в современных тюркских языках.

По мнению Е.И. Убрятовой, в якутском языке нередко долгота гласных обнаруживается там, где ее не отмечали в записях, произведенных в говорах центральных районов, легших в основу литературного языка, и исчезает там, где она в этих говорах обычна. Это, по-видимому, свидетельствует о одновременности образования долготы гласных в разных частях якутского слова, различных причинах ее образования и неодинаковой степени ее устойчивости. Это также говорит о том, что процесс формирования долготы гласных еще продолжается [Убрятова, 1984]. Таким образом, Е.И. Убрятова как бы объединяет различные существующие в литературе точки зрения на происхождение долготы гласных, допуская правомерность каждой из них.

Фонематический статус долготы гласных. Вопрос о лингвистическом статусе квантитативных параметров гласных обсуждается не только в тюркологии, но и в целом в урало-алтаистике. Если в тюркских и монгольских языках релевантность противопоставления гласных по длительности не вызывает сомнения, то среди тунгусо-маньчжуроведов нет единой трактовки количественных характеристик гласных.

Ранее при анализе работ по сибирскому тюркскому вокализму мы показали, что во всех анализируемых языках и территориальных диалектах оппозиция по краткости / долготе фонематична. Это же свойственно и среднеазиатским тюркским языкам. Например, С. Куренов отмечает, что в туркменском языке, как и в якутском, и в ряде других тюркских языков, употребляется целый ряд парных лексических единиц с аффиксами и без аффиксов, различных по значению, но совпадающих по звучанию; единственным смыслообразующим фактором является

краткое и долгое произношение гласного звука. Таким образом, дифференциация по количеству носит в туркменском языке фонематический характер [Куренов, 1984].

В вокализме монгольского и калмыцкого языков традиционно выделяют гласные с двумя степенями длительности. При этом гласные, различающиеся по данному параметру, считаются самостоятельными фонемами. С функциональной точки зрения звуки составляют две группы фонем — долгие и краткие [Павлов, Есенова, 1986]. Но если в тюркских и монгольских языках долгота гласных выполняет смысловозначительную функцию, то в типологически близких им тунгусо-маньчжурских языках это не столь очевидно.

Позиционная длительность гласных. Дискуссия по проблеме происхождения первичной (этимологической) и вторичной (стяженной) долготы гласных поставила вопрос о функционировании и статусе позиционной длительности гласных, активно обсуждаемой в последние годы.

Как показало изучение материалов по чулымско-тюркскому языку [Бирюкович, 1973], в языке выделяется несколько групп слов с первичными долгими гласными. В чистом виде они сохранились в группе двусложных слов, имеющих параллели с долгими гласными в якутском и туркменском языках; в единичных примерах долгота в двусложных словах подтверждается параллелями с долгими гласными в других тюркских языках.

В анализируемом языке отмечается удлинение гласного предшествующего слога перед аффиксами принадлежности, напр.: **ат** 'имя' — **аадым** 'мое имя' (**аадын** 'твое имя', **аады** 'его имя'). Подобное явление характерно и для шорского, алтайского (кумандинский диалект), хакасского языков (по материалам полевых записей А.П. Дульзона). Эта особенность в чулымско-тюркском языке действует не во всех односложных словах. По избирательности данного явления выделяются две группы слов: 1) **ер** 'муж' (**еерем** 'мой муж'), **от** 'огонь' (**оодум** 'мой огонь'), **кар** 'снег' (**каарым** 'мой снег'), 2) **тун** 'ночь' (**тунум** 'моя ночь'), **кыш** 'зима' (**кыжым** 'моя зима').

Количественное противопоставление гласных по категориальной форме принадлежности, а именно: наличие долготы в одной группе слов и отсутствие ее в другой группе слов, говорит, по мнению Р.М. Бирюкович, о том, что мы имеем дело с рефлексом былой оппозиции в языке по краткости / длительности.

Сравнение первой группы слов с их параллелями в других тюркских языках наводит мысль Р.М. Бирюкович на то, что слова чулымско-тюркского языка, получающие долготу в категориальной форме принадлежности, относятся к словам с пратюркскими долгими гласными [Бирюкович, 1973, с. 108].

По мнению И.Я. Селютиной [1998, с. 48–49], удлинение конечных гласных именных основ перед аффиксами личной принадлежности, отмеченное Н.К. Дмитриевым для туркменского и Р.М. Бирюкович для чулымско-тюркского, а также отсутствующие в туркменском и якутском чулымско-тюркские долгие гласные в двусложных словах типа **se:mis** ‘жирный’, **te:mir** ‘железо’ [Бирюкович, 1975, с. 64] можно рассматривать как частные моменты общей закономерности: во всех этих случаях следует говорить не о восстановлении так называемой первичной долготы гласных, а о позиционном удлинении широких гласных перед узкими.

По особенностям реализации рассматриваемой тенденции шорский язык [Шавлова, 1981, 1984, 1986], кумандинский диалект алтайского языка [Селютина, 1998], тувинский язык [Дамбыра, 2000] отличаются от хакасского, где широкие гласные удлиняются до долгих только перед узкими **ы** и **і** и только в 1-м слоге. В шорском, кумандинском, тувинском широкие гласные удлиняются также и в непервых слогах, причем не только перед **ь** и **і**, но и перед значительно менее частотными **о** и **у**. Увеличение длительности широких гласных перед узкими отмечено В.И. Филоненко для балкарского языка [Филоненко, 1940, с. 12–13], Л.П. Покровской для гагаузского [Покровская, 1964, с. 37–38], М. Рясяненом для тюркских языков Поволжья [Рясянен, 1955, с. 42, 58]. Удлинение широких кратких гласных перед узкими характерно также для казахского, киргизского, башкирского, чувашского, азербайджанского, т. е. является типологически общим для языков кыпчакских или сильно кыпчакизированных.

При этом удлинение столь существенно, что позволяет говорить о фонологизации позиционной длительности гласных.

Редукция и элизия гласных. Наряду с явлением позиционного удлинения гласных, в тюркологии существует проблема ослабления и выпадения гласных.

Как отмечает Э.В. Севортян, редукция и выпадение гласных связаны с сильным ослаблением ударения на них и происходит при благоприятном фонетическом окружении гласного. Узкие гласные, как менее устойчивые, подвергаются редукции гораздо легче, чем широкие. Узкие

неогубленные менее устойчивые, чем узкие огубленные. Как правило, редукция указанных гласных протекает легче перед сонорными или проточными, либо между ними [Севортян, 1955, с. 289–292].

Беглыми гласными принято называть те узкие и полуузкие редуцированные гласные в слове, которые в одной форме одного и того же слова явно наличествуют, а в другой какой-либо форме исчезают [Исхаков, Пальмбах, 1955, с. 208–216]. Беглые гласные в зависимости от их позиции в слове и окружающих их фонетических условий могут находиться в том или ином слове на разной ступени редукции: высшей ступенью её является полное исчезновение, т. е. выпадение этого гласного. В алтайском языке наличие беглых гласных отмечал уже М.С. Канаев [Канаев, 1929, с. 8–10].

По мнению Т.М. Тошаковой, краткие гласные произносятся так же, как русские в неударных слогах, с той лишь разницей, что гласные первого слога выговариваются отчётливо, те же гласные в непервых слогах произносятся очень слабо (почти неслышно), краткие **у** и **ы** (**удура**, **кызыл**) в речи опускаются, произносятся бегло: **удра**, **кзыл** [Тошакова, 1938, с. 7].

Н.П. Дыренкова пишет, что в алтайском языке некоторые гласные в некоторых словах произносятся кратко, иногда почти совсем выпадают; на письме эти краткие беглые гласные всё же обозначаются, напр.: **азра** — **азыра** ‘кормить’, **удра** — **удура** ‘навстречу’ [Дыренкова, 1940, с. 25].

В алтайском языке имеется большое количество слов, где узкие гласные настолько сильно редуцировались, что произносятся едва заметно или вовсе не произносятся (**бткүре** — **бткре** ‘сильно, мимо’): а) когда к словам, оканчивающимся на закрытый слог с узкими **ы**, **и**, в котором начальными согласными являются **й**, **л**, а конечным — **н**, прибавляется аффикс принадлежности, указанные гласные выпадают: **мойын** — **мойны** ‘шея’, **келин** — **келди** ‘невестка’, **эрин** — **эрди** ‘губа’; б) в таких аффиксах, как **гыла** / **гиле**, которые употребляются для образования многократного вида глагола, в алтайском языке в разговорной речи гласные выпадают, но в письме обозначаются; если для сравнения взять хакасский язык, то у них эти беглые гласные утратились и превратились в односложные аффиксы со стечением двух согласных в начале: *хак.* **алгла** ‘берите’, *алт.* **алгыла**, в речи — **алгла** ‘берите’; *хак.* **пасхла** ‘идите’, *алт.* **баскыла**, в речи — **баскла**; **киргле**.

Проблемы исследования онгудайского вокализма. Таким образом, из учета состояния изученности звуковой системы алтайского лите-

ратурного языка и его диалектов, из обзора проблем, стоящих перед исследователями тюркского вокализма вытекает необходимая задача всестороннего исследования звуковой системы алтайского языка (прежде всего онгудайского говора — базового говора литературного языка) с использованием современных экспериментально-фонетических методов [Чумакаева, 1978, с. 12].

Цель данного исследования — определить состав и систему гласных фонем онгудайского говора, проверить современными объективными методами количественные характеристики онгудайских гласных, фонологический статус так называемых «первичных» долгих гласных, условия и особенности реализации позиционной длительности гласных в онгудайском говоре.

Как отмечалось выше, в тюркских языках и, в частности, в диалектах Алтая выделяется различное количество гласных фонем, что ставит перед данным исследованием задачу определения числа единиц инвентаря фонем в онгудайском говоре; особо остро эта проблема ставится в подгруппе узких гласных фонем.

Не менее важной является задача выявления системы оппозиций, структурирующих систему онгудайского вокализма (ряд, подъем, огубленность, длительность).

При этом необходимо выявить, функционирует ли в алтайском-онгудайском отмеченная в близкородственных южносибирских тюркских языках закономерность позиционного удлинения гласных, каковы особенности ее реализации (слоговая структура словоформы, длина словоформы, степень удаленности слога от начала слова, качество вокальной оси, качество последующего согласного), происходит ли фонологизация позиционной длительности гласного; если позиционное удлинение не систематично, то не влияет ли на особенности произношения образовательный и возрастной ценз.

Все эти задачи требуют безотлагательного решения, поскольку дальнейшее развитие алтайского литературного языка и его совершенствование связано с установлением его грамматических, лексических и орфографических норм. Это обуславливает приоритетность всестороннего изучения базового — онгудайского говора [Тыбыкова, 1984; 1993].

Современная орфография алтайского языка имеет определённые недостатки: непоследовательное отражение в письме закономерностей губного сингармонизма, отсутствие твёрдой традиции правописания таких слов, как **бозы** ~ **бозу** 'телёнок' (исторически правильно **бозуу**),

уккыр ~ уккур ‘послушный’, **солы ~ солу** ‘сменить’; **коры ~ кору** ‘охранять’; неразработанность и неупорядоченность вопроса о правописании долгих гласных. Тенденция превращения исторически образовавшихся вторичных долгих гласных в соответствующие краткие гласные в некоторых словах и сохранение долгот в других аналогичных случаях создают условия, при которых один и тот же фонетический факт передается в орфографии различными способами, напр.: **үрен** ‘учиться’ (вместо **үүрен**) и **үүр** ‘собирать в стаю’ [Баскаков, 1958, с. 65–66].

Кроме практической значимости, изучение онгудайского вокализма имеет несомненную теоретическую ценность. Результаты экспериментально-фонетических исследований могут использоваться как важный исторический источник, тем более что языки малочисленных народностей, мало изменявшиеся до прихода русских в Сибирь, в условиях географической изоляции и замкнутого ведения хозяйства сохранили в своих звуковых системах древнейшие черты [Наделяев, 1980; 1986, с. 3–15].

Объективный экспериментально-фонетический анализ, выявляющий артикуляционно-акустические особенности языка, недоступные изучению аудио-визуальными методами, позволяет решить многие спорные вопросы языковой ретроспективы, современного состояния языка и прогнозировать пути его дальнейшего развития [Селютина, 1993, с. 54].

Некоторые результаты экспериментально-фонетического исследования алтайского вокализма. Проведенное исследование вокализма онгудайского говора диалекта алтай-кижи алтайского языка позволяет сделать следующие выводы.

1. Использование морфологического метода дало основание для выявления монофонных словообразовательных и словоизменительных аффиксов, репрезентируемых одним гласным. Поскольку семантика словоформ дифференцируется лишь благодаря наличию в их материальных оболочках анализируемых звуков, это позволило квалифицировать их как самостоятельные фонемы. Проводившийся параллельно морфологическому дистрибутивный анализ с применением критериев дополнительной и контрастирующей дистрибуции и свободного варьирования дал тождественные результаты. Функционирование в говоре целого ряда пар и цепочек квазиомонимов подтвердило правомерность выделения инвентаря вокальных фонем, включающего *восемь* единиц.

2. Уточнение в методике дистрибутивного анализа и правилах выделения фонем, предложенное для сингармоничных языков В.М. Наделяевым, дало основание трактовать широкие гласные звуки **а, е, о, ё,**

выступающие в функции аффикса деепричастия и находящиеся во взаимоотношающих позиционно-комбинаторных условиях в соответствии с закономерностями онгудайского палатального и небного сингармонизма, не как позиционно-комбинаторные варианты одной фонемы, а как чередование разных гласных фонем. Вследствие этого, онгудайские гласные звуки **а, е, о, ö** были квалифицированы как самостоятельные фонемы [а, е, э, ø]; аналогичным образом выделены узкие гласные фонемы [ъ, і, у, ү], являющиеся реализациями монофонных аффиксов в словоформах с твердорядной или мягкорядной вокальной осью.

3. На основании аудитивных наблюдений восемь гласных фонем, выявленных в онгудайском говоре диалекта алтай-кижи алтайского языка в результате морфологического, дистрибутивного и квазиомонимического анализа, определены как *краткие*. Наличие в говоре большого количества квазиомонимов, различие семантики которых обусловлено различием квантитативных характеристик гласных, позволило наряду с восемью уже выявленными краткими гласными фонемами определить семь *долгих* гласных фонем того же качества, что и соответствующие краткие реализации.

4. Для узкого твердорядного неогубленного гласного **ы** «ъ» долгого коррелята в онгудайском говоре нет. В словоформах, в которых предполагалось функционирование долгой фонемы **ы** [ъ:], при отчетливом произношении восстанавливается комплекс VCV; это, по-видимому, указывает на существующую в говоре тенденцию к становлению долгой фонемы [ъ:], пока не реализовавшуюся. Продуктивность долгой узкой фонемы **и** [і] также чрезвычайно низкая, что позволяет говорить о её периферийном положении в системе вокализма. В этом отношении онгудайский говор вписывается в общетюркскую тенденцию к незавершенности, несимметричности системы оппозиций долгих гласных — подсистема узких неогубленных гласных формируется позже, либо начала распадаться раньше — этот вопрос может быть решен методами исторической фонетики.

5. Итак, проведенный морфологический, дистрибутивный и квазиомонимический анализ функционирования звуков в словоформах с опорой на слуховое восприятие позволили выделить в онгудайском говоре диалекта алтай-кижи алтайского языка следующие *пятнадцать* гласных фонем, определяемых на слух как краткие — восемь фонем, и долгие — семь фонем.

6. Поскольку адекватность трактовки оппозиции гласных по количественным параметрам, в частности, в языках народов Сибири, ставится некоторыми фonetистами под сомнение, была проведена проверка выводов, основанных на субъективных слуховых наблюдениях, объективными экспериментально-фонетическими методами. Результаты компьютерного анализа длительности гласных в парах словоформ-квазиомонимов убедительно свидетельствуют о четкой противопоставленности гласных онгудайского говора диалекта алтай-кижи алтайского языка по количественным показателям. Средняя абсолютная длительность (САД) краткого гласного по д. 4 составляет 144,8 мс при разбросе АД от 91 мс до 223 мс, средняя абсолютная длительность долгого гласного составляет 248,0 мс при дисперсии АД от 182 мс до 335 мс.

Данные, полученные в результате обработки и анализа материалов по диктору 4, подтверждаются экспериментами, проведенными с диктором 2. Средняя абсолютная длительность краткого гласного по диктору 2 составляет 376,6 мс, САД долгого гласного — 644,7 мс.

Весьма показателен тот факт, что, хотя темп речи диктора 2 значительно медленнее, чем у диктора 4, тем не менее, в среднем долгий гласный длиннее краткого в 1,7 раза — и по д. 4, и по д. 2.

Таким образом, экспериментальные данные подтверждают правомерность выделения лингвистическими методами на аудио-визуальном уровне кратких и долгих гласных фонем в онгудайском говоре диалекта алтай-кижи алтайского языка; оппозиция по количеству сохраняет свою релевантность — в среднем долгий гласный длиннее краткого в 1,7 раза.

Следовательно, лингвистический анализ функционирования звуков в словоформах, а также результаты осциллографирования и спектрографирования позволяют выделить в онгудайском говоре диалекта алтай-кижи алтайского языка следующие *пятнадцать* гласных фонем: *краткие* — [a], [ɛ], [ɔ], [ø], [ɚ], [i], [u], [y], *долгие* — [a:], [ɛ:], [ɔ:], [ø:], [i:], [u:], [y:].

7. Поскольку проблема «первичной» длительности гласных актуальна и для алтайского языка, перед нами стояла задача проверить, реализуется ли в онгудайском говоре диалекта алтай-кижи «этимологическая» долгота. Инструментальный анализ количественных параметров гласных в словоформах-моносиллабах, в которых в ряде тюркских языков отмечаются первичные долгие гласные, показал, что количественные характеристики анализируемых гласных укладываются в фонематическую зону краткости (91–223 мс), выявленную ранее при анализе сло-

воформ-квазиомонимов с краткими и долгими гласными. Некоторая вариативность длительности гласных с дисперсией 51–179 мс обусловлена ингерентной длительностью гласных, структурой слога и консонантным окружением. Следовательно, функционирование «первичной» долготы в онгудайском говоре пока не подтверждается экспериментальными данными.

8. Четко фиксируемый на осциллограммах и на огибающих кривых интенсивности резкий перепад в произношении некоторых гласных, определяемых в других тюркских языках как «первичные» долгие гласные, может свидетельствовать либо о дифтонгоидном характере артикуляции гласного, либо быть рефлексом консонанта, выпавшего в процессе исторического развития языка. Последнее предположение подтверждается наличием перепадов на синусоидах словоформ типа **оору** «*o:ru*» ‘больной’, **ичеен** «*iʃe:n*» ‘нора’, параллельно с которыми в алтайском языке существуют более древние варианты типа **агрыг** «*aɣɣɣɣ*» в кумандинском диалекте, **ичеген** «*iʃeɣeɣeɣe*» в онгудайском говоре; эти перепады в произношении гласных **о:** и **и** в словоформе **оору** «*o:ru*» и в артикулировании гласного **е:** в словоформе **ичеен** «*iʃe:n*» соответствуют выпавшему консонанту **ɣ**. Если в процессе дальнейших исследований этот факт подтвердится на большем объеме выборки, можно будет утверждать, что в онгудайском говоре алтайского языка нет «первичных» долгих гласных, долгота носит вторичный характер.

9. Как показали субъективные аудитивные наблюдения над собственным произношением и над произношением информантов, в онгудайском говоре реализуется закономерность позиционного удлинения широкого гласного в открытом слоге перед слогом с узким гласным, отмечаемая во многих тюркских языках кыпчакского типа, в том числе и в близкородственных языках Южной Сибири. Однако большое количество примеров, в которых данная тенденция не зафиксирована в благоприятном для неё фонетическом контексте, указывает на то, что эта маркированность широкого гласного увеличением количества не является в онгудайском говоре облигаторным, обязательным. Неоднородность полученных аудитивных данных не позволяет сделать заключение об условиях реализации так называемой позиционной длительности гласных в онгудайском говоре диалекта алтай-кижи алтайского языка. Для определения акустической природы маркированности широких гласных в определенных фонетических условиях необходимо применение экспериментально-фонетической методики.

10. Компьютерный анализ словоформ с неоднородной вокальной осью показал, что в онгудайских словоформах в разных соотношениях реализуются две тенденции: 1) к удлинению широкого гласного открытого слога перед слогом с узким гласным; 2) к удлинению гласного финального открытого слога.

В двуслоговых словоформах с неоднородной вокальной осью (широкий / узкий) с *финальным открытым* слогом (**бөрү, малы**) преобладает тенденция к удлинению гласного финального слога, а в двусловах с неоднородной вокальной осью (широкий / узкий) с *финальным закрытым* слогом (**казым**) несколько преобладает первая тенденция — к удлинению широкого гласного перед узким.

В трёхсловых словоформах со структурой типа CV–CVC–CV (**бежинчи**) и с неоднородной вокальной осью (широкий–узкий–узкий) реализуются одновременно обе тенденции: 1) к удлинению широкого гласного *первого открытого* слога перед слогом с узким гласным; 2) к удлинению гласного *финального открытого* слога — с преобладанием первой тенденции.

Если же широкий гласный оказывается во *2-м открытом* слоге перед финальным *открытым* слогом с *узким* гласным в словоформах типа CV–CV–CV (**кулагы**), то реализуются обе тенденции с преобладанием первой из них (удлинение широкого гласного перед узким). В словоформах типа VC–CV–CV (**аттары**) с *закрытым 1-м слогом* и с вокальной осью типа широкий–широкий–узкий также реализуются обе тенденции, но с преобладанием второй из них — удлинение финального гласного.

Таким образом, экспериментальный материал показал, что в онгудайском говоре алтайского языка тенденция к удлинению широких гласных в определенных фонетических условиях хотя и реализуется, но вступает в противоречие с другими темпоральными закономерностями, вследствие чего анализируемая тенденция в онгудайском говоре не столь ярко и последовательно выражена, как в северо-алтайских диалектах, в хакасском, в шорском и тувинском языках, где удлинение столь существенно, что позволяет говорить о фонологизации позиционной долготы гласных.

11. На основании аудитивных наблюдений можно дать следующее предварительное определение артикуляторных настроек гласных фонем онгудайского говора алтайского языка. Мягкорядные с точки зрения сингармонизма гласные фонемы определяются как переднерядные —

основные и различной степени отодвинутости, твердоярдные — центральнозаднерядные — основные и различной степени выдвинутости. Для онгудайского говора не характерны центральнорядные и смешаннорядные артикуляции, настройки более передние и узкие. Хотя, возможно, в определенных пластах лексики (напр.: **кбл** 'озеро', **сбль** 'бородавка') факультативно с переднерядными сильно отодвинутыми назад реализуются центральнорядные настройки сильно продвинутые вперед — это наблюдение требует в дальнейшем проверки соматическими экспериментальными методами.

12. Сопоставление результатов нашего исследования с данными по алтайскому литературному языку и по другим диалектам и говорам Алтая позволяет констатировать кроме определенного сходства существенные расхождения в составе и системах вокальных фонем.

По количеству и составу единиц инвентаря онгудайский говор диалекта алтай-кижи, так же, как и другие алтайские диалекты (теленгитский, бачатско-телеутский, кумандинский, чалканский) отличается от алтайского литературного неполнотой подсистемы узкого неогубленного вокализма. Функционирование в алтайском литературном языке 16 гласных фонем, в том числе и узких долгих неогубленных [ь:, ɪ:], свидетельствует о более высокой интенсивности процесса формирования подсистемы узких неогубленных долгих гласных в нормированном языке по сравнению с диалектами и говорами, в том числе и с базовым онгудайским говором литературного языка.

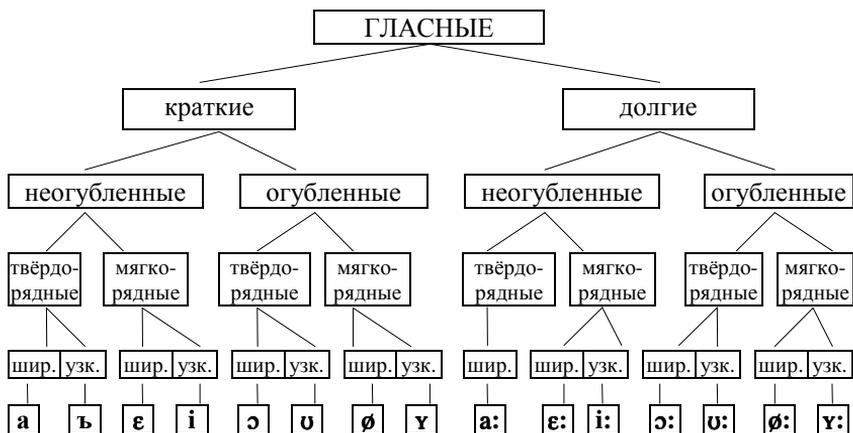
По артикуляторно-акустическим характеристикам онгудайские гласные близки к гласным литературного языка и северного чалканского диалекта, но существенно различаются с качественными параметрами северного кумандинского, южного бачатско-телеутского, а также близкородственного хакасского — качинского и сагайского. Артикуляционно-акустическая база нормированного алтайского языка, онгудайского говора и чалканского диалекта в области вокализма характеризуется меньшей степенью открытости ртового резонатора и более передней настройкой мягкорядных гласных в отличие от кумандинского, бачатско-телеутского, а также качинского и сагайского, для которых характерны широкие и очень широкие настройки ртового резонатора и, наряду с малопродуктивными переднерядными, очень частотны центральнорядные настройки мягкорядных гласных (кроме бачатско-телеутского, где зафиксированы только переднерядные артикуляции).

По особенностям реализации закономерности позиционного удлинения широких гласных открытого слога перед слогом с узким гласным онгудайский говор существенно отличается от северо-алтайского кумандинского диалекта, от хакасского, шорского и тувинского языков меньшей последовательностью и квантитативной выраженностью; на материале алтайского литературного языка и других диалектов Алтая эта закономерность не исследовалась.

13. В обобщенном виде состав и система онгудайского вокализма представлены на схеме 1.

Схема 1

Система гласных фонем онгудайского говора алтайского языка

СОКРАЩЕНИЯ

алт. – алтайский
кирг. – киргизский
ног. – ногайский
н.-уйг. – новоуйгурский
телеут. – телеутский
тув. – тувинский

туркм. – туркменский
хак. – хакасский
чув. – чувашский
шор. – шорский
як. – якутский

ЛИТЕРАТУРА

- Баскаков Н.А. Алтайский язык. М., 1958.
Баскаков Н.А. Диалект кумандинцев (куманды-кижи). М., 1972.
Баскаков Н.А. Диалекты алтайского языка // Вопросы алтайского языкознания. Горно-Алтайск, 1988 а, с. 3–20.

- Баскаков Н.А.* Историко-типологическая фонология тюркских языков. М., 1988 б.
- Бишиев А.* «Первичные» долгие гласные в тюркских языках. Уфа, 1963.
- Бирюкович Р.М.* О рефлексах первичных долгих гласных в односложных словах чулымско-тюркского языка // Вопросы языкознания, 1973.
- Бирюкович Р.М.* О первичных долгих гласных в чулымско-тюркском языке // Советская тюркология, 1975, № 6, с. 55–67.
- Вербицкий В.И.* Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884.
- Вербицкий В.И.* Алтайские инородцы. М., 1893.
- Гаврилин Н.В.* Реестр гласных фонем в языке бачатских телеутов // Фонетика языков Сибири. Новосибирск, 1984, с. 67–73.
- Гаврилин Н.В.* Система гласных фонем в языке бачатских телеутов (по экспериментальным данным). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1987.
- Гаврилин Н.В.* Дистрибуция гласных в языке бачатских телеутов // Вопросы алтайско-языкознания. Горно-Алтайск, 1988, с. 53–62.
- Герцог О.Ф.* Ритмомелодика собственно-повествовательных предложений теленгитского диалекта алтайского языка // Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск, 1986, с. 125–143.
- Грамматика алтайского языка*, составленная членами Алтайской духовной миссии. Казань, 1869.
- Дамбыра И.Д.* Позиционная длительность гласных в Каа-Хемском говоре тувинского языка (в печати).
- Дыренкова Н.П.* Грамматика ойротского языка. М.–Л., 1940.
- Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Беглые гласные в татарском и некоторых других тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Фонетика. М., 1955, с. 208–216.
- Канаев (Тоцаков) М.С.* Грамматика ойротского (алтайского) языка. Улала, 1929.
- Кокорин В.Н.* Формантные характеристики узких чалканских гласных // Теоретические вопросы фонетики и грамматики языков народов СССР. Новосибирск, 1981, с. 146–151.
- Кокорин В.Н.* Вокализм в языке чалканцев (по экспериментальным данным). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1982.
- Кокорин В.Н.* Артикуляторные настройки гласных мягкого ряда в языке чалканцев (по данным статического рентгенографирования) // Исследования звуковых систем языков Сибири. Новосибирск, 1984, с. 27–28.
- Котвич В.Л.* Исследование по алтайским языкам. М., 1962.
- Куренов С.* Долгие и краткие гласные туркменского языка и их различительные признаки (экспериментально-фонетическое исследование) // Исследования звуковых систем языков Сибири. Новосибирск, 1984.
- Мандрова Н.А.* Согласные четвёртой-шестой артикуляций в языке чалканцев (по данным рентгенографирования) // Исследования звуковых систем языков Сибири. Новосибирск, 1984, с. 99–106.
- Машталыр С.И.* Состав гласных фонем в теленгитском диалекте алтайского языка // Фонетика языков Сибири. Новосибирск, 1984, с. 74–78.
- Меркурьев К.В.* Сонорные консонанты языка бачатских телеутов (предварительные материалы) // Ученые записки Кемеровского гос. пединститута. Вып. 24. Кемерово, 1970, с. 38–41.

- Наделяев В.М. Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1980, с. 3–91.
- Наделяев В.М. К типологии артикуляционно-акустических баз (ААБ) // Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск, 1986, с. 3–15.
- Павлов Д.А., Есенова Т.С. Фонетическая характеристика и фонологический статус гласных калмыцкого и монгольского языков // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986, с. 49–52.
- Петькин Г.А., Чумакаева М.Ч. Количественные характеристики тубинского диалекта алтайского языка в моносиллабах // Звуковые системы сибирских языков. Новосибирск, 1989, с. 26–45.
- Покровская Л.П. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964.
- Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.
- Сарбашева С.Б. Дистрибуция носовых сонорных согласных (на материале тубинского диалекта алтайского языка) // Матер. XXXVIII Междунар. научн. студенч. конф. «Студент и научно-технический прогресс». Филология. Новосибирск, 2000, с. 50–51.
- Севортян Э.В. Выпадение согласных в южных тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Фонетика. М., 1955, с. 289–292.
- Селютина И.Я. Кумандинский консонантизм. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск, 1983.
- Селютина И.Я. Кумандинский вокализм. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск, 1998.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984.
- Татаринцев Б.И. К вопросу о соответствиях типа “фарингализация-первичная долгота” // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986, с. 153–156.
- Тоцакова Т.М. Грамматика ойротского языка. Новосибирск, 1938.
- Тыбыкова А.Т. Современное состояние и пути дальнейшего развития алтайского литературного языка // Алтайский язык на современном этапе его развития. Горно-Алтайск, 1984, с. 12–27.
- Тыбыкова А.Т. Происхождение алтайской письменности и современный этнокультурный процесс // Язык и культура алтайцев. Горно-Алтайск, 1993, с. 14–22.
- Убратова Е.И. Долгота гласных в якутском языке // Исследования звуковых систем языков Сибири. Новосибирск, 1984, с. 4–11.
- Филоненко В.И. Грамматика балкарского языка. Нальчик, 1940.
- Фисакова Г.Г. Состав гласных фонем в языке бачатских телеутов // Исследования звуковых систем языков Сибири. Новосибирск, 1984, с. 30–34.
- Фисакова Г.Г. Долгие гласные в языке бачатских телеутов // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986, с. 27–31.
- Чумакаева М.Ч. Шумные согласные в алтайском языке // Языки и литература народов Сибири. Новосибирск, 1970, с. 52–87.
- Чумакаева М.Ч. Малошумные согласные алтайского языка // Фонетика и морфология языков народов Сибири. Новосибирск, 1972, с. 3–39.
- Чумакаева М.Ч. Фонемный состав алтайского литературного языка // Вопросы алтайского языкознания. Горно-Алтайск, 1976, с. 64–69.
- Чумакаева М.Ч. Согласные алтайского языка (на основе экспериментально-фонетических исследований). Горно-Алтайск, 1978.

Чумакаева М.Ч. Артикуляторные настройки гласных твердого ряда в алтайском языке (по данным статического рентгенографирования) // Исследования звуковых систем языков Сибири. Новосибирск, 1984 а, с. 22–27.

Чумакаева М.Ч. Реализация алтайской долгой фонемы [a:] // Алтайский язык на современном этапе его развития. Горно-Алтайск, 1984 б, с. 162–167.

Чумакаева М.Ч. Артикуляторные настройки мягкорядных гласных алтайского языка (по данным статического рентгенографирования) // Вопросы алтайского языкознания. Горно-Алтайск, 1988 а, с. 29–35.

Чумакаева М.Ч. Результаты и перспективы изучения звукового строя алтайского языка // Гуманитарные исследов. в Горном Алтае. Горно-Алтайск, 1988 б, с. 116–128.

Чумакаева М.Ч. Губная гармония алтайской словоформы // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 1996.

Шавлова Н.В. Тональность в словесном ударе шорского языка // Экспериментально-фонетические исслед. сибирских языков. Новосибирск, 1981, с. 137–148.

Шавлова Н.В. Квантитативный компонент словесного удара в шорском языке (на материале кратких гласных) // Исследования звуковых систем языков Сибири. Новосибирск, 1984, с. 133–137.

Шавлова Н.В. Длительность гласного основы в шорских дисиллабах // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986, с. 32–33.

Щербак А.М. О происхождении первичных долгих гласных в тюркских языках // Вопросы языкознания, 1967, № 6.

Kalanakov la Kaspinskij. Grammatika. Bastapкъ bolъk. Morfologija. Orton skoldordъn bezinci klasъtn usebnigi (Новосибирск), 1934.

Ligeti L. Les voyelles longues en turc // JA, 1938, CXXX, с. 177–204.

Ligeti L. Türkçede uzun vokaller, Türkiyat mecmuasi. C. VII–VIII. Istanbul, 1942.

Menges K.H. Einige Bemerkungen zur vergleichenden Grammatik des Türkmenischen // Archiv Orientalia. Praha, 1938.

Nemeth J. Die lange Vokale in Jakutischen // KSz, XV, 1914.

Pelliot P. Les mots a h initiale, aujourd'hui amuie, dans le mongol des XIII et XIV siecles // JA, 1925.

Prütsak O. Zum Parallelismus in Altürkischen. Helsinki, 1964.

Rachmati G.F. Die Hilfsverben und Verbaladverbien im Altäischen // Ungarische Jahrbücher. B. VIII. Berlin-Leipzig, 1982.

Radloff W. Phonetik der Nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882.